

18+

СОЛЪ

Последний код Лилит

Автор Дубовицкая Юлия



Юлия Дубовицкая

**Осоль. Последний код Лилит.
Часть 5 и 6. Пути Лилит — Осоль**

«Издательские решения»

Дубовицкая Ю.

Осоль. Последний код Лилит. Часть 5 и 6. Пути Лилит — Осоль /
Ю. Дубовицкая — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-699414-0

Последний код Лилит: Встреча с собой в другом воплощении. Осоль смотрит на Лилит и видит свой путь. Здесь смыкается круг: та, кто искала, встречает ту, кто нашла. Кармический разворот, принятие, тишина. Нежность: Возвращение в тело. Нежность как безусловное состояние. Часть текста была ранее опубликована в общей книге Лилит-Осоль: Ключи одной души. «Путь Лилит — Осоль» — это путешествие из семи частей. Каждая часть — самостоятельная книга, но вместе они складываются в одну глубокую историю.

ISBN 978-5-00-699414-0

© Дубовицкая Ю.
© Издательские решения

Содержание

«ОСОЛЬ. последний код Лилит» Роман в двух частях: 1.Тоска и прозрение 2.Нежность	6
Словарь-Ключ к миру «Осоль»	6
ЧАСТЬ 1 «ТОСКА И ПРОЗРЕНИЕ»	7
Глава 1. Что остаётся, когда всё забрали	7
Глава 2. Манифест: «Но только это не твоё!»	10
Глава 3. «Тренинг иллюзий и простота картошки с маслом»	12
Глава 4. «Диалог с плющом о бесконечности и воплощениях»	14
Глава 5. Капля крови на листке розы	18
Глава 6. Болото и перо	20
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Осоль. Последний код Лилит Часть 5 и 6. Пути Лилит — Осоль

Юлия Дубовицкая

© Юлия Дубовицкая, 2026

ISBN 978-5-0069-9414-0 (т. 5)

ISBN 978-5-0069-5852-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«ОСОЛЬ. последний код Лилит» Роман в двух частях: 1.Тоска и прозрение 2.Нежность

Словарь-Ключ к миру «Осоль»

От автора Читателю.

**И вспомнит сила что сильна,
и дух не падок будет!
А много времени спустя,
найдешь посыл оттуда!
Оттуда, где соткан мир и свет!
Где все простое и родное!
И ты читатель человек,
пройди со мной! Постой у дома!
И может Быть в твоей душе,
зажжется правды свет!
И может Быть ты скажешь да,
Я дома наконец!**

ЧАСТЬ 1 «ТОСКА И ПРОЗРЕНИЕ»

Глава 1. Что остаётся, когда всё забрали

«Всё пройдёт. Пройдёт и это».
(Легендарная надпись на перстне Соломона)

«Она ждала».
(А. Грин, «Алые паруса»)

Осоль много лет слышала: «ты идешь не туда», а куда идти — совсем не понимала, и разовые акции успеха, нарядов и даже новые покупки считались ей выходом из старой квантовой тюрьмы. Она точно чувствовала, что в мире что-то происходит, жизнь медленно, но очень верно раздваивает рельсы, и стоять на одной ноге в старом и быть в новом не получится.

И вот она себе задала вопрос: а что, если так или хуже будет через 5 лет? Ранее она боялась потерять красоту и стройность, остаться на старой работе и не построить карьеру, и даже думала, что вот эти самые отношения с Соломоном — это тоже не то, что она хочет через 5 лет.



Но когда она дошла до точки потери части здоровья, потери стройности и прежней молодости, когда она потеряла ту самую, признававшую её, власть и признание на работе, а стала просто техническим сотрудником, и даже потеряла те силы, когда за один день она могла много и всё и сразу, — она поняла, что то, что ей говорили «надо срочно оставить и убрать» — а именно отношения с Соломоном, — это то, что она действительно не хотела оставлять, оставлять в прошлом. Но убрала их первыми из своей жизни. Это было то, где была душа, сила и место точки добра и покоя. Но все истории мишуры и «как должно было быть» застилали ей разум, как, скорее всего, и ему. Да, может, для него она и не была тем, кто был для нее он.

Но, потеряв возможность стоять на двух рельсах одновременно и уже по необходимости выбирая дорогу, она понимала, что сейчас она не боится потерять ни работу, ни дом, ни друзей, и даже не красивое стройное тело, так как она пережила все эти потери и видела, что она без них так же живет.

Но тоска по близкому, родному теплу — это то, что невозможно заменить новой машиной. Это то, что Осоль, поняв, хотела передать всем и, если бы могла, писала бы на каждом заборе! Скорее пойми, что ты есть, что тебе самой действительно мешает быть счастливой, а что, получив в стократном размере, всё равно окажется мишурой на один-два дня!

Это было не разочарование, это было прозрение. Но чтобы оценить и понять, надо потерять! Как невозможно понять, а что мы любим больше — банан или яблоко, не вкусив их полноценно и не поняв, что насыщает, а что освежает; что после второго куса уже не лезет, а что готов без переедания есть всегда.



Глава 2. Манифест: «Но только это не твоё!»

«Всё суета сует и томление духа».

(Екклесиаст 1:14)

«Скучно на этом свете, господи!»

(А. Грин, «Алые паруса»)

*Тебе кричали: ты иди, что ты стоишь,
а то замерзаешь.
Те все уже вон впереди...
Раз остановишься и сдохнешь.
Давай, в забвенье ты зайди,
А коль не хочешь — то паши!
Пашь до пота, крови, вставай и снова ты иди!*

*Кричали все: «Да, мы смогли, и сможешь ты!
Ты просто тупо поднажми!»
А кто-то мило так визжал:
«Люби себя, и будет там тебе причал,
Покрой ты ногти красной пылью,
накрась уставшие глаза,
И маме милый тот букетик
Отправь ты в пятницу, всегда!
И будет явно тебе благо!*

*Еще вставай, иди, ходи,
и там ты мысли не гоняй,
А просто жизнь ты созерцай!
И будет явно хорошо,
Да правда — здохнешь всё равно!»*

*И вот они, кто наплевали,
Кто сели в тачку и умчали,
Открыли там шампанское, напились,
И в море радости пустились!
И все они — да, явно правы!*

*Но только это не твое!
И не тебе — красивые педали,
Да и не то — прекрасное вино,
И даже лес тот, кажется родной,
Стал местом тем, где ходят «на убой»!*

*И что же здесь твое?
И что же настояще?
Твое оно — твое, оно реально в счастье!
Твое ты должен создавать,
на вкус стремиться узнавать,
Распознавать желание страсти..
В покое, отблески души.
Твое не скажет «здрасти»,
Его придется вновь пройти.*

*Да не найти в буквальном смысле,
А вспомнить, вспомнить и познать,
И важно в этой роли новой
Чужое мнение не брать!*

Глава 3. «Тренинг иллюзий и простота картошки с маслом»

«И этот тоже суета».

(Екклесиаст)

«Теперь он понял одну нехитрую истину. Она в том, чтобы делать так называемые чудеса своими руками».

(А. Грин, «Алые паруса»)

Осоль увидела надпись: «Пробудись сейчас, иначе будет поздно». О да, интересно, — подумала она, — может, этот курс мне действительно нужен, чтобы окончательно встать на свой путь! И, записав в свой блокнот цели на важные мероприятия, отправилась искать, где и когда, и сколько ей придется отдать денег за этот неопиcуемый опыт.

И вот настал день X. Осоль одела свое белое красивое платье-халат, в котором она себя чувствовала той светлой принцессой, не смотря на возраст и новые морщины, которым она позволила отражаться на лице без исправления с помощью бесконечных имитаций свежести извне. Распустила свои пушистые волосы.

И ее тело, которое тогда, услышав оценку от Соломона на тему «если она будет беременна, это может быть плюс 10—15 кг», и получив шок («о, ужас!»), сейчас было без беременности плюс 7 кг. И это не было ужас.

Это было живое тело с формами взрослой молодой женщины, а не 15-летнего подростка под тренды, которые везде и всюду диктуют. Так как тело подростка не может быть внутри взрослой женщины, несущей ответственность. Субстанция подростка: это свобода, адреналин, ошибки, драйв и полное отсутствие ответственности, никакой семьи и никаких денег.

Вот так через тело запущен был простой механизм в мир под соусом идеальной красоты: если ты в теле подростка, ты автоматически на вибрации подростка, и тогда у тебя нет ни семьи, ни денег, и ты — вечный бунтарь и потребитель системы! И так Осоль, отправившись на мероприятие, сияла. Улыбаться и принимать новый любой день с радостью уже выработалось в ней.

Тренинг был весь день, стоил месячного дохода, и да, он предвещал то, что она должна понять! Внутри всё равно оставалась иллюзия: «Завтра я проснусь, и будет другой мир». Такие же иллюзии были, когда она представляла их союз с Соломоном: что он разбогател, что он гордится ею и везде демонстрирует её величие и важность, что у них большой дом, они много путешествуют, посещают разные интересные страны и миры, где они, как две частички, смешаются и легко, прекрасно живут в суе огромного мира. Такие иллюзии, которые были совершенно несоизмеримы с жизнью. И главное — в этих иллюзиях были те самые шаблоны из картинок с экранов и мини-ощущения из их совместности в моменте. То есть ничего не было подкреплено ни состоянием, ни внешним положением, ни реальностью их бытия.



Тренинг? Да, он был удивительный. Люди улыбались, смеялись, плакали, обнимались. Осоль чувствовала себя как во сне, она видела рядом таких же, как она, — как бабочка, залетевшая на огонек. Вечер наступил быстро, эмоции били ключом! Но по дороге домой её настигало разочарование:

«Я всё та же? И что же это было? Я выкинула деньги? Я опять пошла не своим путём? Или я инвестировала в новую жизнь? А может, и сотни раз...» Этот вопрос был, жил и жрал Осоль!

Смыв в душе уходящий день, обернувшись в теплый пушистый плед розово-молочного цвета, её осенило. Иногда, чтобы понять самое простое — то, что ты знал, знал при рождении, — надо отдать все деньги, пройти все дороги, чтобы понять, что хорошо то, что уже здесь. Что все эти ответы — в том, чтобы тебе кто-то разрешил, тебе уже можно жить, ты достаточно заплатил. Чтобы тебе уже сказали: «Ты уже знаешь. Ты сравнил. Ты съел эту картошку, поехал в Африку, покушал крокодила, полетел в Австралию, чтобы съесть страуса, и понял, что та картошка с маслом, оказывается, — твое любимое блюдо!»

Глава 4. «Диалог с плющом о бесконечности и воплощениях»

Осоль любила бывать дома, и вот он, милый плющ, как будто шептал: «Давай, рассказывай, что там у тебя!» Осоль вздохнула делалась своим откровением.

— Знаешь, что я сегодня поняла? Поняла так, как, может быть, не могла понять ранее. Во-первых, то, что у каждого понимания есть своя глубина. Иногда ты что-то понимаешь, например, на 5 шкал, а иногда на 50, а иногда на 500. Но у понимания нет точного, финального значения. Вот оно, это число бесконечности, которое было совершенно непонятно в школьные годы. И вспомнила свою тетю: «Век живи — век учись, и дураком умрешь».

А компьютерная игра? Она же никогда не заканчивается... А если ты проходишь, то начинаешь другую. А самое главное!

Плющ, ты же тоже не вечен и вечен одновременно. Сейчас ты можешь умереть, но ты всё равно разрастешься в другом горшке, около другого забора. Но если ты мне сейчас скажешь: «Осоль, милая, я устал видеть свет из окна, я хочу x10» (модное и тупое слово, — засмеялась Осоль),



— и скажешь: «Я хочу расти в Африке и окутывать целую Китайскую стену» — интересно?! Как же мы с тобой должны будем это сделать? Первое и самое простое — отвести тебя в Африку, построить там Китайскую стену и пересадить тебя туда. И вот твои самые вероятные «х10»!

Но только до них тебе придется расстаться со мной, потерять климат нашего дома, потерять свой горшок, возможно, несколько раз умереть, чтобы прижиться на африканской стене, и, скорее всего, еще несколько раз умереть, чтобы вырасти там тогда, когда построится новая стена. Вот он, путь этих волшебников, заказывающих себе новое «я х10», несоизмеримое с реальностью, — заказ смерти и новых воплощений те же самые 10 раз!

То есть мы как бы говорим: «Тут моя жизнь — дерьмо, я готов её прожить, мечтать, умирать, чтобы через сотни тысяч лет наконец одну весну цвести на жарком, испепеляющем

солнце и, быть может, мучаясь от жаркого, невозможного для твоей жизни солнца, даже не вспомнить, что это был твой осознанный выбор и ставка, ради которой ты сам когда-то отдавал даже жизнь!»

Осоль так же поделилась вторым осознанием:

— Знаешь, я так хочу позвонить Соломону и спросить, как он...

— И? — спросил плющ, закружившись, как браслет, на её руке.

— Но понимаешь... а что я скажу? А зачем? Зачем ворошить прошлое? Да, а если он не хочет, и ему не надо, и как я потом буду себя чувствовать? Смогу ли я так же дальше улыбаться? А что я ему скажу? Наберусь ли я сил на правду и не разрушусь ли я от его реакции? Что потом? Вот он — самый страшный и глупый вопрос! **Что потом??** Этот вопрос — бесконечного паралича всего живого. **«Что потом?» Он держит нас в страхе, дает иллюзию, что потом есть, он заставляет строить жизнь!** Как будто ее можно построить, но совершенно не... не жить!

Она замолчала, положив ладонь на прохладный лист. Тишина в комнате сгустилась, и в ней листья плюща зашелестели по-особенному — размеренно, как будто настраивая ритм для чего-то важного. И тогда Осоль услышала. Не ушами, а всем существом. Четкий, ясный голос, сплетенный из шелеста и тишины, зазвучал внутри нее, отвечая на все ее невысказанные страхи:

*Я волком вою на луну,
она мне кажется знакома!
Но почему же здесь, в быту,
не понята я снова?!*

*Раз это трудно так понять,
кому же эти строфы?!
Что не перстом не показать,
не выдать всем обозом?!*

*И в чем здесь сила, раз ты мелок?
Чтобы всю ту силу показать!
О чем здесь петь? О чем кричать?!
Да и молчать!
Тут тоже душно!*

*И где тут сцена, раз опять,
не понятым ты будешь снова дюже!
Где они те, кто тоже воют,
где мне услышать зов сердец!
Чтобы найти ту свою стаю,
и не сломать себя в конец!*

*И есть они вообще, на этом свете?
Или такая здесь одна?
Но как же грустно без привета, мирского рОдного.. тепла!*

*Ведь я не зверь, я тоже есть!
Я чувствую, живу, пою танцюю!
Но почему ж по мере их,
мне лучше плыть в морскую бурю.*

*Но я надеюсь, верю, жду!
Что где-то спит моя семья,
И я когда-нибудь найду!
И вновь узнаем мы себя!)*

Стих отзвучал, оставив после себя вибрирующую тишину. Осоль не дышала, чувствуя, как каждая строка — это ее собственная, выстраданная боль, которую плющ, ее немой летописец, облек в совершенную форму. Он не давал ответа. Он просто вынес на свет саму суть вопроса.

— Значит... это и есть мой зов? — прошептала она, глядя на зеленую стену. — А стая... она придет на этот зов?

Плющ молчал. И в этом молчании было больше понимания, чем в любых словах. Он лишь слегка качнул листом, словно говоря: «Жди. И верь. Ты уже воешь. Значит, тебя уже слышат».

И Осоль впервые за долгое время почувствовала не тоску, а странное, щемящее предвкушение. Боль не ушла, но она перестала быть немой. Ей дали голос.

Глава 5. Капля крови на листке розы

«Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем».

(Екклесиаст 1:9)

«Море и любовь не терпят педантов».

(А. Грин, «Алые паруса»)

Осоль сидела, клацая по клавишам, как ей вылетела реклама книги — «Ключи из сундука души». Она неописуемо потянулась в поиске, найти книгу и тут же ее прочесть. И вот она отстранила все рабочие, не срочные дела, чтобы полностью погрузиться в рассказ. Она подошла к розе и начала ей читать вслух.

— Представляешь, это же точно про тебя! Как так?

Роза начала шевелиться, и от нее пошел аромат, окутывающий все вокруг. Осоль закрыла глаза и оказалась в том самом саду Веды, смотрела на розу, по лепесткам которой текла капля крови.

— Вау! — с восторгом закричала Осоль.

— Боже, что это? Это же ты... ты когда-то жила здесь. Вот это да... Я помню тебя, но как такое возможно...

В воздухе запахло пылью, ветер мгновенно превратился в вихрь, и перед ней стояла молодая женщина, чуть старше ее самой, с темными кудрявыми волосами и в красном шелковом платье.

— Да, Осоль. Здравствуй. Это моя роза. Роза сада Веды. Веды — верующей матери. И моя, той Лилит, чью книгу ты читаешь!

— Ну как? Почему? Кто вы? — смущенно спросила Осоль.

— Я — это ты. Ты когда-то была в этом саду, и эта капля крови — моя, а теперь уже и твоя. Ты — это я, но уже в новом мире. Ты правильно описала плющу, это, кстати, мой тоже знакомый — летописец всего и вся. В мое время он был Лесничим, когда еще было много лесов и возможности по ним гулять. А сейчас ты пришла за ответом, который гложет тебя. Про детей, которых у тебя нет. И про Соломона — почему он кажется тебе таким родным.

— Да... — потерянно сказала Осоль.

Лилит предложила Осоль пройти и всё разложить. Они молча пошли по этому розовому саду, все ближе и ближе к полю лаванды. Лилит начала свой монолог.

— Смотри. Я и ты — это Роза. Ты чувствуешь страсть и жажду жизни, жажду влаги и солнца. Ты прекрасна, но с колючими шипами. А вот оно — поле моего когда-то Леона, а теперь и твоего Соломона. Люди узнают друг друга с первой минуты, но они не помнят свой первый опыт и совершенно не умеют слушать себя. Ты уже прошла большой путь, который я так же проходила. Но так как при рождении ты его забыла, тебе приходится часть проходить заново. Из-за этого ваши отношения с Соломоном светлее и приятнее, в них больше того тепла в реальности, что вы оба поняли. Но пока все так же — разность частот и понимания, с которыми вы из-за своих «а зачем», «а что потом» не имеете возможности перейти!

— Но у нас получится? — спросила Осоль.

— Да, — сказала Лилит. — Но в какой из жизней — это зависит уже здесь и сейчас от вас обоих.

В каждом своем поступке вы либо отдаляете, либо приближаете эту встречу. Но ты должна понять: даже переосмыслив свои не те шаги, ты не сможешь мгновенно всё изменить.



Этот процесс занимает время.

Главное — идти главным и единственно верным путем: жизнь по радости и по сердцу. Так же это зависит от него. Он мудр, и его мудрость в сто крат выше и глубже нашей, но, к сожалению, пока он видит и слышит ее частично. Как почти все 98 процентов людей, которые, живя в определенном месте, идут по пути имеющихся там выстроенных дорог!

— Ну а дети, Лилит? У тебя в книге их двое. Почему же мне Бог не дал ни одного?

— Осоль, дети — это не просто человек. Это душа, которая проходит через тебя, приходит в твой дом, чтобы у тебя научиться. И твой урок в этой жизни — научиться идти по радости и сердцу. И, научившись этому, только тогда передавать это поколению. А не как у меня — учиться вместе с ними. Дети, будь они у тебя, не позволили бы тебе уже настолько открыть глаза, чтобы видеть и понимать, что самое важное в жизни души и самое сладкое — встреча с родными душами.

Дети не позволили бы тебе научиться жить настолько легко и радоваться всему, они не научили бы тебя разговаривать с плющом и быть настолько плавной, обволакивающей. Считай это даром тебе для обучения, а не наказанием.

Все дается по готовности и силам!

В этот момент у Осоль потекла слеза и упала на горшок, в котором цвела роза.

Глава 6. Болото и перо

*«Во многих мудрости много печали; и кто умножает познания,
умножает скорбь».*

(Екклесиаст 1:18)

«Она родилась с живой душой».

(А. Грин, «Алые паруса»)

« — Лилит, ну я же так люблю детей», — сказала Осоль. — Они сплошные ангелы, и мне Бог их не дал...

Почему же так?

Лилит взяла Осоль за руку, и они пошли дальше. Чем дальше они шли, тем воздух становился тяжелее, погода ухудшалась, света и воздуха становилось меньше. Тучи затянули всё небо, и только что прекрасный солнечный день сменился тягостной мглой и сумраком. Осоль уже почти ничего не видела, но они продолжали идти. У Осоль уже не оставалось сил.

— Почему же мы так долго идем?

« — Всеу своё время», — сказала Лилит.

И вот они подошли к болоту — тому самому Болоту Памяти, про которое Осоль читала в книге Лилит, где Лилит тонула в воспоминаниях, безнадежности, страхе и чувстве вины. Лилит протянула руку, и начался калейдоскоп событий. Они смотрели в болото, как в экран кинотеатра.

Сцена первая. Квартира. Маленький сын, не желающий делать уроки. Звонок от учителя: «Он не понимает ничего». Мать объясняет сыну, как выучить стих. Сын не готов к переговорам, залезает под стол и только и кричит: «Я не смогу, у меня не получится!» Секундомер на экране показывает, что женщина ходит вокруг сына часами, пытаясь договориться, не уходит и не имеет возможности найти контакт.



И вот — вспышка агрессии. Женщина хватается ребенка от собственного бессилия, заставляя вылезти из-под стола. Тот дерется, кричит. Женщина хватается веник. Полная сцена бытового насилия друг над другом, где две личности, не имея возраста, не готовые столкнуться со своим страхом внутри, борются за ситуацию здесь и сейчас, осуждая друг друга.

И вот слезы ребенка — от жалости, от обиды на мать. И слезы матери — от полного отсутствия сил, разочарования, страха, ощущения себя монстром и тотального чувства вины.

Следующая картинка. Мать с температурой, в слабом здравии, бежит в магазин, чтобы принести своим подросткам еды, как птица для своих птенцов. За всем этим выполнением роли родителя — ведущее чувство вины. «Ты плохая, ты нас бьешь, ты нас лишила отца, ты нас не понимаешь, ты любишь Люка больше, ты всегда вставала только на сторону Луции, а я всегда у вас плохой!»

Новая сцена. Взрослый мужчина лет двадцати пяти в пьяном угаре выговаривает сестре и матери: «Вы никогда в меня не верили, только и говорили: „Что из тебя получится?“» Мать объясняет: «Я боялась за тебя, я старалась защитить тебя, показать, как правильно, как нет». Взрослый сын жестко отвечает: «Ты в меня не верила, ты меня не принимала. А что тебе теперь не нравится? Я вырос ровно таким, в какого ты в меня верила!»



И следующая сцена. Лилит и Леон. Лилит в слезах: «Зачем ты так со мной?» На что Леон отвечает: «Я с тобой ровно так, как ты хочешь и веришь. Ты веришь, что я тебя не люблю, — вот я делаю всё, во что ты веришь!» А выше — золотая табличка со словами: «И по вере вашей воздастся вам».

Вот новая картинка. Лилит, еще не родив сына, узнав, что у неё будет сын, в страхе начинает рыдать: «Боже, а если я не смогу? Не смогу воспитать достойного мужчины? Муж не сможет показать ему пример, а моих сил не хватит». И вот каждая неудача сына, каждый каприз и скандал, каждое подрастание и перестройка растущего организма — не по правилам рода, когда ребенок был не большей проблемой, чем теленок, — сталкивала с собственной несостоятельностью и неумением, с тем ранним страхом: «А я смогу дать всё?!»



Осоль закрыла глаза и вскрикнула:

— Лилит, что это? Почему это так больно, грустно и одновременно вызывает ярость? Как так?! Где же в этом добро и любовь?

Лилит подвела Осоль, которая дрожала, как будто на улице минус тридцать. Нехотя они подошли еще ближе к болоту, настолько близко, что Осоль испугалась, что сейчас упадет.

И вот новая сцена. Лилит спускается по ступенькам и, не видя, где они начинаются (перед глазами всё белое и светятся лампы, как от новогодней мишуры), летит вниз по крутой лестнице. Летит сначала коленями вниз и оказывается внизу, скривившись, спиной, головой вниз.

Шея и голова болели два дня не переставая. Эта боль была настолько символичной, что слово «сломаться» приобретало буквальный смысл. «Сломаться» — вот именно это и происходило.

Сломаться под системой, в мире, где эго, зависть и борьба сопровождалась каменными и бетонными стенами, где всё больше мир захватывали цифровые ресурсы, а природные — не выдерживали. Лилит в тот момент была подобна слому земной коры, и её старая система, сжавшись от боли, предупреждала: «Мы ломаемся».

И в этом переломе был выбор, ясный, как лед: либо превратиться в воду — текучую, гибкую и обволакивающую, либо остаться льдом, который с легкостью расколоть и сломать на части, хоть он и кажется сильнее, и тверже талой воды. Растаять — значит выжить. Разморозиться. Разморозить свои чувства, разморозить своё понимание, разморозить своё сердце!

Еле собравшись с силами и встав, в стыде, что она упала, и не сказав никому ничего, возвращается к столику, где была встреча с подругами, берет телефон и слышит: «Мама, он меня бьет! Он забрал мой телефон и заблокировал его!» И вот Лилит, которая с грохотом ударилась головой об ступеньки, ободрав тело, бежит домой утихомирить подростков. По приходу домой её встречает дочь: «Мама, мне больно, он меня побил!» — и злой сын, который молчит и только кричит: «Да, я же у вас монстр, а она оскорбляет!» Все моменты договориться тщетны. Каждый говорит свою правду. Сын — в полном жутком разочаровании, собственном стыде и ярости — молчит. Дочь — в полной эгоистичной позиции жертвы и человека, у которого забрали вещь и ещё ударили, — не слышит, что она оскорбляла, и продолжает кричать:

«Урод! Козел!»

Осоль с округлыми глазами смотрит на Лилит и говорит:

— Как? Как так? Разве такое есть? Такое существует?

Лилит, не объясняя ничего, показывает дальше.

Вот сцена, когда дети болели и как мать их лечит. Вот они слабые и нуждаются в заботе, а она из последних сил вкладывает в них всю заботу.

А вот дочь, которая приходит ночью, потому что страшно, ложится под бочок, и Лилит не спит всю ночь, но не будит дочь.

А вот сын, который только что ещё час назад ответил матери тем, что взял её за шиворот толстовки и резко припер к стене... да, после того как мать взяла провод от телефона, чтобы уговорить дикую истерику. И вот они уже борются, забыв, кто там мать, а кто ребёнок. Лилит после скандала, когда сын спит, ложится, обнимает, целует сына и говорит: «Господи, прости. Сын, прости. Помоги нам, Боже».

И вот дочь лет десяти кричит: «Оставьте меня! Вон из комнаты!» И комментарии: «Ну и дочь ты воспитала...»

И как вдруг всё загрохотало, засвистело. Вспышка яркого света — и вот Лилит сидит на коленях, а перед ней огромная фигура, яркая и четкая. Лилит умоляет: «Господи, помоги, покажи путь! Что же не так я делаю?!»

И ответ поражает громче молнии:

— А что же так?!

— Ну как же? Я же стараюсь!

Я держу себя, я помогаю. Я вместо того чтобы тратить на себя, всё трачу на них. Я поддерживаю их отношение к отцу, я помогаю им в школе, я слушаю их, я устраиваю досуг, я вымаливаю их прощение за свои ошибки, я рассказываю им, как устроен мир, я не отнекиваюсь от них. И всё не то?! Как же так?

Огромная фигура, светлая, пронзающее яркая, с золотистым светом, но тотальным холодом, отвечает:



— А что же из этого Я тебе говорил делать? И зачем ты это делаешь? Разве радость материнства — взять на себя их жизнь? Разве ты должна кому-то взять за них тотальную ответственность? Разве дети слушают слова?

— Но нет... Но я же старалась им показывать пример! Вот я слежу за собой, вот я работаю, вот мое хобби... а они ничего не хотят!

Огромная фигура, склонившись, взяла Лилит за подбородок и спросила:

— Ничего не угадываешь в своём последнем слове?

— О, Боже! — вырвалось у Лилит.

Леон, когда говорил: «А Я разве тебя просил делать всё, что ты можешь и не можешь?» Слова, которые она сама говорила ему: «Ты меня не видишь!» А разве сама она видела детей? Леон, который говорил: «А где сама ты?» И да, где же в этом материнстве была она сама?

Огромная фигура вытащила Лилит из болота, накинула на неё золотой плед, посадила на руку и начала монолог:

— Смотри. Твой страх воспитать недостаточно достойного мужчину, как в твоём воображении, идет от недоверия и неуважения к мужчинам. Ты считала их слабыми. Твое желание быть хорошей матерью колебалось между чувством вины, доказательством себе, что ты сможешь, отчаянием, что ты не сможешь, жалостью к себе («а как я это смогу?»), желанием дать детям того, чего у тебя самой не было, — безусловной любви к ним и полным отсутствием любви к себе! А твоё стремление сделать всё и винить себя, желание взять всё на себя — из-за полного недоверия и отсутствия веры в Меня!

Бог наклонился ближе, и Его голос стал тише, но от этого каждое слово било в самую точку.

— Вспомни, — сказал Он. — Как часто ты просила о помощи? О той самой, моральной поддержке? Просила много раз. И что же?

— Наверное... отказывала? — неуверенно прошептала Лилит.

— Да. Почти всегда. И говорила себе: «Это ерунда». А почему же так?

— Ну... потому что они чувствуют по-другому. Возможно, на другой волне. Или не так глубоко. У них одна глубина, а у меня — другая.

— Ты думаешь, Я создал людей с разной глубиной своего колодца? — мягко спросил Бог.

— Ну... возможно...

— Нет, дорогая. Давай опять вернёмся к словам «и по вере вашей воздастся вам». Ты верила, что ты более глубоко чувствуешь, и что многие тебя не понимают. Эта вера помогла тебе очень многое понять — что у каждой своей задачи, что каждый уникален. Но до главного ты не дошла. А именно — до того, чтобы поверить, что тебя МОГУТ понять.

Что твои чувства — не монополия. Что другие такие же чувственные, как и ты, но при этом одни обладают большим рациональным потенциалом, а другие — большей легкостью, весельем и радостью к простым вещам. Признать, что тебя понимают, — значит в своих глазах спуститься с пьедестала «особенной» на уровень простого, понятного человека. А тогда где же твоя уникальная чувственность? Это молниеносно обесценило бы твою собственную значимость. И самое лучшее «подкрепление» для этой веры — демонстрация холода извне на твою чувствительность. Так ведь?

— Да, Господи... это же так! — с криком, полным одновременно боли и освобождения, произнесла Лилит.



— Ты не веришь, что твои дети — личности, которые не твои, а пришли через тебя, и могут быть мудрее тебя.

Ты их победы и неудачи причисляешь тоже себе, как будто если они что-то могут — это естественно, а если что-то не могут — значит, ты плохая. Желание доказать миру и себе, что ты не плохая, заставляет тебя бежать по кругу этой мышиной возни, убивая себя, разрушая детей и всё больше отдаляясь от себя.

Вместо помощи детям они попадают в свои собственные замки эго, где, не понимая ответственность за жизнь, начинают ценить мишуру, не понимают своих эмоций, но, считывая твоё состояние, чувствуют тотальное напряжение. И вот — много лет материнства и мало радостных моментов. Не потому что их не было, а потому что весь марафон был направлен на борьбу: исправить себя, их, всех и всю ситуацию!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.